

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a stormy sea. The water is rendered in shades of deep teal, emerald green, and black, with white foam from the waves. In the lower portion, a small, dark wooden boat with several figures inside is being tossed by the waves. The overall mood is one of peril and struggle.

Александр Владыкин

Втора. Иллюзия жизни.
Том 2

16+

Александр Евгениевич Владыкин

Втора. Иллюзия жизни. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28744608

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-2802-6

Аннотация

Путешествие Вторы и её друзей в сказочные миры, где героиню книги приняли как странную Странницу, помогая ей справляться с трудностями и неприятностями повседневной земной жизни. Встреча с новыми сказочными героями, посещение экзотических уголков нашей земли при помощи сундука ненужных волшебных вещей. Все книги про Втору – это сказки для взрослых.

За пять остановок от города

Глава 1

Иногда жизнь играет не по правилам, и сталкивает лбами людей, чья история переплелась в далёкие-далёкие годы, в образах их прародителей; оставив незакрытыми, множество белых пятен в их героической судьбе. Каждый, из вновь прибывших сотрудников, в мой отдел московского филиала Восточно-секторального Иска, нёс в себе гены людей, которые являлись легендами нашей организации. Меня немножко смущал тот факт, что все новички, были чистыми технарями, в отличии от их боевых предков, я боялся ошибиться, надеялся на то, что в их душах ещё теплится огонь новых открытий и свершений. Мир давным-давно изменился, и не делится на спиритян и людей, за два столетия нашего совместного сосуществования, пройдя сквозь нестыковки, расизм, откровенное неприятие других форм существования, мы, всё же, стали одним народом. Народом планеты Земля. По итогам последней переписи населения, спиритян оказалось на порядок больше, чем людей. Учёные до сих пор не могут понять, как человечество столько лет смогло прожить в неведении, о существовании целых цивилизаций не Homo sapiens. Зато, сколько неизведанного подкинули круглоголовым, в изучении всех аспектов жизни спиритян, если учесть, что среди них есть, тоже много диких племён, не всегда жи-

вущие в согласии с людьми, и вообще, с цивилизованным миром. Назвать дикарей нечистью, у меня язык не поворачивается, но чем больше растёт любопытство круглоголовых, чем дальше их уносит в дебри, которые на картах Исков, отмечены, как условно безопасные районы, своего рода заповедные зоны, в которых находятся, наряду с племенами диких людей, такие же дикие племена спиритян. Мне кажется, что эти дикари, в отличии от нас, прекрасно осведомлены о существовании друг друга, и совместными усилиями, всюду сопротивляются проникновению цивилизации. Эти условно закрытые зоны, стараются избегать нормальные люди и спиритяне, но только не круглоголовые, с их учёными степенями. А люди моего отдела – их сопровождение, разведка и охрана. Каждую экспедицию, спланированную круглоголовыми, я должен обеспечить подготовленными людьми. Но где их взять? Профессионалов? Если каждый месяц я теряю людей больше, чем их приходит в контору. Приходят люди сырые, абсолютно не подготовленные ни духовно, не физически. Приходится часто контактировать с соседями, чтобы, по – возможности, усилить свой отдел. У меня неплохие отношения сложились с Эстелом; генерал, время от времени, подбрасывает мне специалистов из преисподней, в обход негласных правил, направляя новобранцев в наш Иск, как бы отдавая дань, искреннему уважению бывшей королевы Исков – Иноземцевой Вторе Михайловне. С которой, генерал был знаком не по наслышке. Родной брат моего деда оставил

архив, который явился основой, для выбранной мной профессии. Я зачитывался им, заранее, готовя себя к ожидающим меня трудностям, с пятилетнего возраста. Но этого было мало, надо было ещё обладать тем умением, которым обладали мои герои, а для этого нужен был наставник, владеющий всеми тонкостями ИСКовского мастерства. Он сам меня нашёл. Это был Вий, который подхватил мои старания, и хитрыми махинациями и импровизациями, добился того, что я, к двадцатипятилетнему возрасту, развил в себе, все чувства, которые были доступны королеве Вторе, я защитил позицию Второго в декурии воинов Исков. Единственно, что я не умел, так это мысли читать, и не обладал опытом руководящего работника. Чтобы руководить, нужно колоссальное терпение, которого мне явно не доставало. Мне хотелось принять участие в экспедиции, но в Секторе меня осаждали: нам ты не нужен, чтоб шашкой махать, нам нужен Первый. Вот я и здесь, без секретаря, без приближенного личного состава, без друзей, без идей, о какой – либо реформации своего отдела. Числящийся за мной личный состав подчинённых, постоянно был в разъездах, виделись в кратковременных перекомандировках, я даже не успел со многими познакомиться, многих знал не в глаза, а по анкетам. А многих – по некрологам, которые мне приходилось составлять, для опубликования в местной ведомственной газете «Обе-лИСК». К сожалению, моё начало руководства, было не, ахти, удачным. Полностью погибли три экспедиции. Меня пре-

следовал тот же рок, что и предыдущего руководителя, который, потеряв две экспедиции в одном районе, возглавил, тайком, третью, и погиб, глупейшим образом, запутавшись в стропах парашюта, был съеден дикими зверями, в лесах, граничащих с дельтой Амазонки.

– Да будет земля ему пухом!

– Дерьмом звериным ему земля будет, – взорвался мой ментал, ко мне пришёл Вий. Сел, расслабляясь в кресло, бросив, по – американски, кожаную шляпу, скрывающую экзотичный вид его головы, на стол, затребовал чаю, лишь потом, поздоровался. Генерал не терпел мундир, говорил, слишком наград много, тяжёлый. На нём был кожаный плащ, из-под которого выглядывал лёгкий шерстяной свитер, связанный, лично, супругой. Жену он себе подобрал из людей, соблазнил дьявол, теперь дома, кроме любящей супруги, его постоянно ждут двое сыновей-близнецов, и лапочка дочка, которая пошла вся в мать, без копыт и без рогов, но характером, вся в папу. Строит старших, аж земля гудит! В преисподнюю, хоть не бери, черти от неё, как от ладана, в рассыпную, разбегаются. Не знаю, но эта нелюбовь, меж ними, с пелёнок. Вий откинул всю дипломатию, и пользуясь нашим давним знакомством, начал атаку, ради которой, летел пол дня, на личном самолёте:

– Хвались! Показывай.

Я молча подал ему пять личных дел. Он долго всматривался в фотографии, венчающие лицевые листы пригото-

ленных документов, наверное, искал знакомые черты, давно погибших товарищей. Сказал, что лично придёт на собеседование. Поднялся, и не прощаясь, вышел, оставив после себя запах серы, пробивающий любой гайморит. Как только его жена с ним спит? – подумал я. Вий не любил, когда обсуждали его жену, даже самые лучшие друзья, в мыслях, которые для спиритянина были открытой книгой. Пустая чашка, из-под чая, упала на пол и разбилась. Думай следующий раз, с кем имеешь дело. Я, перед уходом домой, проверил почту. Ответы на жалобы и доносы жителей всё ещё находился в моём ведомстве, время от времени приходилось решать возникшие споры. Письмо было одно, на конверте стоял адрес моего отдела, я бросил его на стол, не ознакамливаясь с содержанием этого полу анонимного послания. Я уже привык, что никогда, и никто, не пишет своё ФИО, и обратный адрес. Если бы я тогда знал, что это письмо, перевернёт всю мою жизнь, всё представление о Земле, изменит всё моё мировоззрение. Письмо, сиротливо, улеглось на полированной поверхности стола. Я взял зонтик, мой постоянный спутник, защищающий меня от холодной дождливой осенней погоды, замкнул дверь, и со спокойной совестью, минуя турникет, возле дремлющего на выходе, охранника, переступил порог конторы. Я сделал первый шаг на мокрый асфальт, стараясь не замочить осенние туфли, ловя отблески неоновых рекламных огней, сопровождающих меня до станции метро. На втором шаге, я почувствовал, что дождь кончился, резко

потемнело, как будто, во всей Москве выключили свет. А я заскочил в какой-то газон, потому, что под ногами была трава, и только, когда я врезался головой в дерево, а потом нашупал целый парк деревьев и кустарников, я понял... нет, я ничего не понял, я просто чихнул, но, когда, пробегающая мимо собака, пожелала мне крепкого здоровья, моя рука потянулась к телефону.

Мы третий час сидели в коридоре, перед дверью начальника отдела по связям с общественностью. Нас собралось пятеро, все прибыли из разных городов, закончили разные институты, до этого ни разу, не встречавшиеся, скромно рассматривали друг друга. Наше внимание было приковано к двум девушкам, которые, не смотря на разные фамилии, были похожи, как близняшки, они были далёкими родственниками, но природа подшутила над ними, скопировав их с образа единого предка. Остальные были мужики, мужавшие вместе с новыми модификациями компьютера. Все трое худые, чахлые, с синюшными лицами, ничем абсолютно не отличающиеся от массы современной молодёжи. Инспектор, принявший наши дела и направления, выданные нам при распределении молодых специалистов, в разных институтах, глядя на нас, скривился:

– Вы понимаете, куда попали?

Но у нас, кроме фанатичного желания работать, именно, в одном из секторов ИСКа, ничего за душой не было. Одного желания было мало, мы знали это, до конца не верили, что

нас возьмут, но инспектор принял наши дела, передал по инстанции, занёс данные в компьютер, и назначил время приёма у этого кабинета. Начальник отдела должен был провести с нами собеседование. Но начальник, явно задерживался. К нам подсел какой-то старик в помятой куртке, с грязным капюшоном, спросил у меня, кто крайний в очереди, я пожал плечами: наверно, за мной будете. Старик вертелся, как на сковородке, очень нервничал, проявлял нетерпимость, создавая своим присутствием дискомфорт в нашем маленьком, ещё не сформировавшемся коллективе. Через час совместного ожидания, старик не выдержал, поднял шум, на который сбежалось пол конторы. Он вёл себя вызывающе, ругался некультурными словами, от которых у наших близняшек вяли уши. Прибывшая на место скандала охрана, пыталась его успокоить и вывести за пределы здания, услужливо подкатив полицейский автомобиль, ко входу в контору. Старик успешно сопротивлялся. Охрана решила применить дубинки против смутьяна, но не тут то было, каждый пытающийся ударить дубинкой, куда то пропадал, минут на пять, а появлялся с дикими воплями, и старался убежать из здания, пролетая ласточкой над турникетом, выпрыгивая в окна, не взирая на разбитые стёкла, полученные порезы и синяки, от приземления на мокрый осенний асфальт. Они успокаивались только около остановки метро, и на экстренном приёме у проктолога, пытались не смотреть друг другу в глаза. Я думаю, к дубинкам они больше не прикасались, и навсегда

вычеркнули их из своей амуниции. Дело принимало не шуточный оборот, мы зажались в угол, и старались не вмешиваться в эти события. Вскоре старика перестали атаковать, вся контора попряталась в своих кабинетах, закрывшись от смутяна. Старику это понравилось меньше всего, глаза его налились кровью, и он пошёл на третий этаж, к небожителям. Два демона, из спиритян, вмиг вынесли дверь начальника отдела. Один из демонов был директором этой конторы, второго я узнал, только после того, как он надел свою куртку с капюшоном. Между собой они говорили, как старые знакомые. Нас пригласили в кабинет, всех сразу. Начальник представился:

– Я, Вий, а это-Эстел, из соседнего сегмента. Ваш начальник пропал, на телефоны не отвечает, служба безопасности не может найти его следов.

Внешне, глава конторы был сдержан, а его глаза метали гром и молнии, он, с трудом сдерживал эмоции, поэтому вскоре вышел, оставив нас с Эстелом.

Эстел из открытого сейфа, достал наши дела, полистал, посмотрел на нас, сбившихся в стадо, посреди комнаты. Глаза его опять начали наливаться кровью. Потом он обратил внимание на конверт, лежащий на столе, внимательно осмотрел его, покрутил, вскрыл, понюхал конверт, достал письмо и дал мне его зачитать вслух. Сам развалился в кресле, прикрыв глаза шляпой, приготовился слушать. Я то и в школе, не особо дикторским талантом обладал, но тут решился по-

стараться, чтобы не разозлить неадекватного демона.

– Сколько себя помню, я всегда жила в городе. Я родилась и выросла, в окружении стен многоэтажных домов, асфальтовых дорог, с мигающими светофорами, магазинами, с вечно меняющимися вывесками, хозяевами и продавцами. Из окна маленькой комнатушки, в которой мы жили с мамой, была видна парикмахерская, я любила наблюдать за таинством, творящимся внутри этого сказочного дворца. Мастеров, создающих красоту причёсок, я представляла феями, и мечтала, что когда вырасту, непременно буду парикмахером. В садик я не ходила, и сколько себя помню, я была одна. Одна была в доме, одна была в школе, даже получив диплом инженера-системотехника, я была одна. С компьютером я подружилась в институте, устроившись лаборанткой на пол ставки. С матерью стали видаться всё реже, в конце концов, она посчитав, что выполнила свою миссию, выростив и выучив меня, со своим очередным бойфрендом рванула в Италию, на заработки. Меня нашла бабушка, по-отцу, она жила в пяти остановках от города. Мама никогда меня к ней не возила, я даже не знала, что у меня была бабушка. Пару раз только слышала, что мама кого-то ведьмой назвала, с отцовской стороны, но не придавала этому значения. Я впервые ехала в гости к родной бабушке, которая прижималась ко мне и говорила, что только этим и жила, ждала, когда я вырасту. Бабушка была невысокого роста, и если-бы не се-

дые волосы, то издалека, её можно было принять за девочку. У бабушки было доброе лицо и совсем не было морщин. Электричка подвезла нас к посёлку, в котором, и жила бабушка. На перроне даже вокзала не было. Был навес от дождя, переход над железной дорогой и выцветшее на солнце название остановки, которое даже прочитывать нельзя. Оказывается, бабушка жила не в самом посёлке, а в хуторе, недалеко от дачного магазина. У бабушки был кот, который не совсем был кот, и гусь, которого бабушка называла «Председатель». Кот, он как все коты, мяукал и ластился, а гусь очень обидчивый был, бабушка предупредила, не злить его, может и покусать. Мне нравилось, у бабушки в гостях мне нравилось, я привыкла к студенческой неприхотливости, а здесь у меня была королевская постель, с двумя пуховыми подушками, вся комната утопала в аромате трав, которые в подвешенном виде, сушились по углам, среди трав, краснели ягоды калины и рябины, в кладовой, я видела вязанки лука и чеснока. Это то, что бросалось в глаза. Утром меня ждал жбан холодного молока. Я, с удовольствием, отпила, прямо из глиняного кувшина, губами разгоняя, сгустившуюся в погребе сметану. Хозяйства бабушка не имела, но вековая привычка осталась, она сидела на лавочке и кормила слетевшихся птиц, рассыпая, купленное в магазине пшено, с добавленными крошками хлеба. Она что-то рассказывала птицам, объясняла, как будто они могли её понять? Я потянулась, и вышла на порог, в ночной рубашке. Бабушка заме-

тила меня, всплеснула руками:

– Принцесса наша проснулась!

Взяла кружку воды и полила чертополох, растущий перед калиткой, в палисаднике, остатки воды из кружки, вылила мне под ноги. Это оберег внучка, двадцать лет тебя бережёт, – говорила бабушка. Мне стало смешно, оберег был такой большой, не красивый и колючий:

– И сколько он ещё оберегать меня будет?

Бабушка улыбнулась:

– Пока замуж не выйдешь! А там пусть муж оберегает, красу такую.

Я не считала себя красавицей, но улыбнулась. От бабушкиных слов повеяло теплом и лаской. Она поинтересовалась, понравилось ли молоко, красавице, соседка ещё тёплым принесла, но я будить тебя не стала. Потом попросила, чтобы я оделась, и до полудня мы должны успеть поклониться дубу. Я поначалу подумала, что у бабушки малярия, иногда, в гости приходит, но не подала виду. Для себя же решила, что утренняя прогулка по лесу, не повредит. Тропинка в лес, началась, прямо у калитки дома. Для кота, это видно, уже привычный маршрут, он убежал вперёд; гусь, плёлся за нами, не проявляя особой агрессивности, чем-то возмущаясь, что-то бурча себе под нос. Мы так и шли троичей, кота и след простыл. Бабушка, иногда, ходила с тропинки, гладила какие-то кустики, траву, что-то шептала, потом возвращалась на тропу, догоняла нас. Тропа закончилась на поляне. По-

среди поляны рос многовековой дуб. Поздоровайся с царём леса, – попросила бабушка, осторожно наклонив мою голову, рядом кланялся гусь. Бабушка поклонилась в пояс и на старославянском начала что-то шептать, я поняла, что она просила дерево, чтоб оно пустило нас в лес. Я не обращала внимания на причуды старушки, всё воспринимала, как на наивную детскую игру, мне казалось, что даже гусь смеётся, перекивляя нас обеих. Но когда кусты зашевелились, освобождая дорогу, отодвигая в стороны деревья, маскирующие её, маразм начался у меня. Мы продолжили путь, и вслед за нашим продвижением, деревья и кусты становились на свои места. Сзади, попросили не торопиться, я испуганно повернулась. Сзади меня шел высокий, ещё не старый мужчина, с портфелем под мышкой. Бабушка на него напустилась, за то, что Председатель напугал внучку. Я не верила сама себе, своим глазам, передо мной, только что, произошло чудо – гусь превратился в человека. Всё-таки, мой мозг воспротивился; дальше я шла, убеждённая в том, что это был фокус, подмена, гуся забрали, а появился человек. Я уже начала уставать, когда, вдалеке появились крыши домов. Я обратила внимание на бабушку, по дороге она летела, как на крыльях, седина пропала, волос стал волнистый, каштановый с переливами от проявляющего между деревьями солнышка. Фигура стала ещё стройней, да и на вид, ей больше тридцати лет не дашь. Красавица! Перед нами была деревня, со странными домами, у меня было такое ощущение, что я ко-

гда-то, где-то, это уже видела, что я уже была здесь. Мне были знакомы эти выращенные дома, посреди села, обязательно должна быть площадь, с колодцем посредине. Подбежал какой-то толстый мужик в старинном фраке, похожий на артиста провинциального театра. Начал отчитывать бабушку, за то, что она очень медленно ходит. Что он уже устал ждать. Бабушка улыбнулась, толкнув меня в бок:

– Узнаёшь? Это наш кот, после преобразования.

Я уже перестала всему удивляться, попав в труппу циркачей иллюзионщиков. Ждала, чем это представление закончится. Я устала, но мне пока нравилась эта задумка бабушки. Я отдала должное её фантазии, это было похоже на игру, в которой и мне отведена какая-то роль. Оригинально! Мы дошли до центра, где, рядом с магазином и клубом, был действительно колодец, на краю которого сидел подросток, лет двенадцати, только взгляд у него был старым, уставшим, как у людей, которые до самой смерти обречены быть молодыми, тело которых не стареет. Бабушка подвела меня к нему.

– Здравствуй Завсеха! Я привела свою внучку, как когда-то привела меня моя бабушка. Я передаю её в твои руки, и прошу отпустить меня.

Она вложила мою руку, в руку паренька, и пошла, к ожидающим её, возле магазина, подружкам. Завсеха ей в догонку крикнул:

– Что ещё покажет зеркало Истины?

Я наклонилась над колодцем и постаралась вызвать Эхо.

– Агу!

Ответ, к сожалению, не получила. Мелковат колодец, на-верняка? Посмотрела-вода далеко светится. Мальчик ска-зал, что Эхо на музыкальный конкурс с Чудом-юдом уехало. Камни в колодец, просил не кидать, там Ёханный бабай, срок свой тянет, можешь в лоб ему попасть. А он этого не любит! Да и не знаю, как зеркало Истины на этот поступок среаги-рует? Он меня заинтриговал своим зеркалом. Я представи-ла комнату кривых зеркал, и то зеркало, где я выгляжу бо-лее безобразнее – будет зеркалом Истины. Я засмеялась. Па-цан посмотрел на меня, как на дурочку, он впервые, за мно-го-много лет, видел человека, который смеётся, перед сви-данием с зеркалом Истины. Потом, ему, наверное, надоело играть взрослую роль:

–Пойдём Лешего попугаем.

Бросил мою руку.

– Догоняй!

И мы побежали. Возле реки сидел парень с планшетом, в его ушах были наушники, глаза под очками были прикры-ты. Мне показалось, что этот паренёк наслаждался, слушая музыку. Завсеха подкрался и вылил, с ладошки, воду ему за шиворот. Парень, от неожиданности, подскочил, как зме-ёй ужаленный, чуть планшет в реку не свалился. Вовремя я планшет успела перехватить. Лещий с Завсехой устроили кучу малу, и когда им надоело бороться, со смехом, растрё-паные, усталились на меня. Лёха, – представился парень. Я,

в такт ему, подыграла – Вася. Лещий вскипел:

– Нет такого девчонкиного имени, и всё!

Завсеха встал на мою сторону, мол если есть Лёха, то почему бы не быть Васи. Лещий понял смысл каламбура, в который умудрился попасть, и назвал своё полное имя – Алексей. А я Василина! Завсеха рассказал, что Лёха учится на третьем курсе биологического факультета, какого-то университета. И вообще, он очень умный, всё знает про животный мир. Я решила проверить:

– Скажи, Лёха. Маленькое зелёное, в земле живёт, камни грызёт. Это кто?

Вы бы видели, что с Лешим стало. Они вдвоём с Завсехой перечислили весь подземный мир. Лёха даже за советом к зеркалу Истины бегал. В конце концов сдались они, попросили, чтоб я отгадку сказала:

– Зелёный камнеед.

Глубоко в лесу, кто – то захихикал. Сколько эмоций было, как мальчишки возмущались! Что нет такого животного, и всё. И что эта загадка не правильная, и что я её просто придумала. Я пошла на мировую, решила им загадать умную загадку, где необходимы знания физики, астрономии и философии.

– Лёха, а если землю просверлить насквозь, и бросить кирпич, долетит ли он с одного конца земли в другой?

Тут мои малолетние философы такой спор устроили. Завсеха говорит, что долетит, Лёха упирается, что нет. Приве-

ли тысячи аргументов, создали множество теорий. Я захотела есть. Завсеха отвлёкся от спора:

– Совсем забыл. Ты же новенькая. Здесь так, если захотел есть, только подумай, чего ты хочешь, и еда будет перед тобой. И с остальным, точно так, это он мне насчёт туалета намекнул.

Друзья продолжали спорить, земельный вопрос у них никак не решался. Я решила перед едой помыть руки. Тут же из-под ног, выбился родник, я мыла руки, а через журчанье родника, слышался чей-то ворчащий старческий голос:

– Рядом река, а им родник подавай, совсем эти человеки обнаглели.

Только я закончила процедуру, родник пропал. Я ещё не успела подумать, как во рту застрял пирожок, с капустой, из студенческой столовой, мой любимый. Пирожки сыпались один за другим, пока я не наелась и сказала:

– Не хочу.

Мальчишки, в конце концов, сдались, но решили обхитрить тётку. Завсеха сказал, что кирпич пролетит, Лёха, что нет. Я сказала, что Лёха прав. Завсеха считал себя не глупее Лещего, встал в позу и потребовал сатисфакции, ты Васька, если задаешь загадки, то аргументируй ответом. Я ожидала подобной реакции от двенадцатилетнего паренька. Мой мозг отказывался принимать серьёзность положения, в которое я попала. Мне казалось, что я сплю и всё, что происходит со мной, это мне снится, и это во сне я задаю загадки малым и

продолжаю разыгрывать их. Я продолжала играть свою роль:

– Лёха прав, кирпич не долетит с одного конца земли в другой, потому, что его съест зелёный камнеед из первой загадки.

Глубоко в лесу, раздался хохот, переходящий в рёв. Мальчишки переглянулись и, не выдержав, тоже рассмеялись. Мы уже вернулись в село, а кто-то, глубоко в лесу, всё продолжал хохотать. Лёха побежал по своим делам, а Завсеха, представил меня моему дому, в котором мне предстояло жить. Я себя ущипнула побольней, мне раньше никогда не приходилось жить в говорящих домах, выращенных много столетий назад, как обыкновенные грибы. Где-то я слышала, про новые технологии в современном строительстве, про умные дома, но этим технологиям далеко, до этих фокусников. Наверно, где-то суфлёры сидят, дёргают за невидимые верёвочки, вот губы у домов и шевелятся. А я, наверное, в летаргическом сне. Я так устала, что заснула, только коснувшись кровати. И проснулась от того, что стало прохладно. В окно заглядывало солнышко, забрасывало зайчики-смешинки в мои глаза. Одеяло сползло с кровати, зевнуло, и кутаясь в пододеяльник, посеменило в сторону кухни. Вскоре оттуда стал доноситься перезвон чашек и шипение вскипевшего чайника. Завсеха сидел на лавочке возле входа в дом и терпеливо ждал, когда я проснусь. Вскоре меня позвали на кухню пить чай с вареньевым вареньем. Одеяло попыталось завести светскую беседу, что-то о погоде и курсе стерлинга

на Лондонской товарной бирже. Но мне было некогда, и я, на ходу, дожёвывая, из ниоткуда, появившийся бутерброд, вывалилась из гостеприимного дома. Завсеха медленно поднялся, поздоровался, а в его глазах, как рекламный бигборд, светился упрёк:

– Ну, ты и спишь! Целое утро жду.

Он посвятил меня в план обязательных мероприятий для посетителей королевства. Завсеха обязан меня представить зеркалу Истины, чтобы определиться с положенным мне статусом и кругом моих обязанностей, в этом закрытом мире. Я уже потихоньку начала привыкать, к попаданию в, непривычную для меня, действительность. Мой мозг смирился, со сказочной глупостью обстоятельств, в которые попала героиня глупой сказки. Теперь для меня всё стало не реально, как бы на себя, я смотрела со стороны, сидя в третьем ряду театра, представляющего самую абсурдную пьесу из его репертуара. Я спешила за Завсехой, бегущим по тропинкам Тёмного леса, машинально здороваясь с лисичками, ёжиками, собаками, червяками и крокозябрами. У меня было такое ощущение, что они специально собрались возле тропинки, чтобы с нами поздороваться. Всё, пришли: – сказал Завсеха, вытирая пот с лица. Перед моим взором, раскинулось большое озеро с, несравненной чистоты, водой. К озеру был всего один подход, который перекрыли два стража, собралась огромная очередь из разных существ, которых я никогда не видела, даже в самых кошмарных снах, и о которых,

никогда не слышала. Людей в очереди было мало, но они были. Завсеха занял очередь и вздохнул:

– Раньше было наоборот, людей было больше.

Озеро стало подниматься, и вскоре встало вертикально, превращаясь в огромное зеркало, своей массивностью задавливая всю изворотливость и хитроумные сплетения микроскопических мозгов этих муравьёв, толпящихся у его подножья. Приём начался, и охрана пропустила первого посетителя. Зеркало, как громаднейший монитор компьютера, читая мозги существа, выводило на экран все его недостатки, козни, преступления, показывая всю гнусность и грязь его мерзких, вредящих обществу поступков. В конце, звучал вердикт и очередной посетитель, удалялся отбывать наказание. Кое-кто отделялся внушениями, замечаниями, кое-кого награждали угрызениями совести, которые, как энергетические крысы, отгрызали совесть там, где её излишек, и всё тащили в свой дом, увеличивая совесть наказуемого. Кое-кого уничтожали на месте, даже изверги, чьи чёрные души перемешивались в земельной плазме, приносили пользу, подогревая вселенную, ужасались преступлениям этих существ. Через пол часа этого обозрения с последующим наказанием, мне стало страшно. Я поняла, что такое Зеркало Истины. Это, когда ты, как раздетая, стоишь перед чьими-то глазами, пытаешься закрыть, спрятать, что-то стыдное, а не чем, и ждёт тебя не минуемое наказание, за твоё бесстыдство. Я невольно начала пятиться назад, но уткнулась

в очередь, которая подталкивала меня, как винт мясорубки, всё ближе и ближе к стражам, охраняющим подход к зеркалу. Впереди раздались возгласы и смех, на зеркальном мониторе появилась баба Яга, которая сто семьдесят шестой раз, проходила процедуру суда Истины, за очередную мелкую пакость, против Кощея Бессмертного. Опять её приговорили к тюрьме, в глубоком лесу, в избушке, на курьих ножках, и к запрету появляться на Земле, в человеческом мире, в котором она уже успела прославиться. Вскоре подошла моя очередь. Я смотрела на экран, где вместо моих, неизменных, потёртых джинсов, на мне было шикарное платье, усеянное бриллиантами, королевская причёска, шляпа с вуалью. Это точно была не я, вернее я, но похожая на золушку. Зеркало огласило мой статус – Принцесса. Вся очередь ахнула. А потом зеркало показало Землю, и двух друзей, где Лёха сверлит планету насквозь, а Завсеха пытается добраться до другого конца Земли. Опять раздался ужасающе громкий смех, зеркало сложилось пополам, на этом приём был закончен. Недовольные соискатели наказания, разбрелись по своим убежищам, не забывая бить поклоны, при виде меня, а я опять спешила, догоняя покрасневшего Завсеху. Он немного притормозил, когда выскочили из леса, на подходе к селу. Надулся, но ничего не сказал. Проводил меня почти до дома. Рядом с моим домом был какой-то склад и беседка. Из беседки, кто-то Завсеху позвал. Он убежал от меня, не попрощавшись, видимо на зеркало обиделся, что его дура-

ком изобразило, рикошетом и на меня, что, если бы не я, со своими загадками, то с него бы, не смеялось всё королевство. Из беседки Завсеха выскочил, как ошпаренный, и нырнул в колодец.

– Ну, теперь неделю вылезать из колодца не будет. Там у него друг сидит-Ёханный бабай, он временно Эхо подменяет. Только всё у него невпопад, все невпопад получается: – голос раздался из-за моей спины. Я повернулась. Передо мной стоял старик-пенсионер, похожий на Карлсона, только без пропеллера, говоривший с одышкой и имеющий большой красный нос. От него, явно, пахло спиртным. Он назвался дядей Вадимом, местным водяным, то есть, сантехником. Из колодца послышался язвительный голосок Завсехи:

– Не водяной, а водярный!

Пенсионер пообещал ему уши надрать, моментом Америку увидишь, если через колодец из королевства бежать собрался? В беседке засмеялся друг сантехника. Его зовут Гоша, работает охранником на складе. Добрейшей души человек, но инвалид... мне его жалко. Гоша, – позвал он друга. Из беседки выглянуло три улыбающихся головы. Средняя голова курила самокрутку из очень дымного табака. Гоша действительно выглядел не ахти, был худым и зелёным. Время от времени, этот пролетариат, мотался на большую Землю, за лекарством, в поселковый магазин, потом пол ночи горлачили песни. Они постоянно путали моё имя, и вместо Василины, называли Василисой. Мой дом, во время их дуэтных

концертов, закрывал уши, и внутри дома была идеальная тишина. Прогноз дяди Вадима не оправдался, из другого королевства приехала бабушка Завсехи, и вытащила его из колодца. Завсеха простыл, хрипел и сильно кашлял. Я побежала искать свою бабушку, которая потерялась, с момента нашего появления в этом сказочном королевстве. В магазине мне сказали, где она живёт, только дома вы её не застанете, она, каждый год, в это время, пропадает в лесу, и собирает волшебные лечебные травы. Я пошла проведать больного и познакомилась с его бабушкой, которая навезла столько вкусностей из соседнего королевства, она пыталась все свои гостинцы мне скормить. Там, от услуги быстрого питания давным-давно отказались. Бабушку звали Авося, хотя вредный внучок, называл её бабкой Авоськой, но она не обижалась. Ко мне она относилась с уважением, согласно статуса. Мне было неудобно, я хотела помочь, ну а когда я волнуюсь, я заикаюсь. Я хотела, чтобы Завсеха выздоровел и посоветовала его бабушке, отпаивать его чаем с...м...ёдом и м...чабрецом. Завсеха выглянул из-за бабушки, и капризным голосом, загундосил:

– Не хочу я, чая с йодом и мертвецом.

В беседке опять заржали. Через неделю появилась моя бабушка, вся увешанная травами, с двумя корзинками, заполненными какими-то корнями. Я её не узнала, она стала моей ровесницей, даже наверно моложе меня, на вид, ей было лет шестнадцать. Когда я ей сказала, что зеркало Истины назва-

ло меня принцессой, она захлопала в ладоши и закружила меня в танце:

– Я знала, знала, что моя внучка будет равной, среди правителей королевств справедливости. Ты достойна возглавить королевство Истины!

Я ничего не понимала, и надеялась, что бабушка мне объяснит, куда она меня привела, и почему её должен отпустить Завсеха. Бабушка взялась за моё обучение. Она всё мне рассказала об этом мире, о его законах, о тех, кто его создал и для чего, взяв с меня клятву молчания, которую я произнесла перед зеркалом Истины, приняла государственную присягу, навсегда отказавшись от мира своего детства. Я стала королевой Истины! Завсеху и бабушку пришлось освободить от их обязанностей, по их личной просьбе, с правом посещения моего королевства. Бабушка продолжала молодеть, и когда Завсеха повёл её дорогой к дубу, ей уже было порядка пяти лет. Назад он прибежал быстрее, чем шёл к большой Земле. Ни его, ни бабушку, не пропустил проход. Это было страшно. Я поняла, что могу потерять бабушку из-за чьей-то жадности, граничащей с глупостью, и тогда я написала это письмо. Королевство имеет множество проходов в ваш мир, но закон таков, ты должен выйти из страны Истины, тем же путём, что вошёл. В вашем распоряжении ровно месяц, чтобы восстановить справедливость и исправить те нарушения, что произошли по вине вашего народа. Если вы не справитесь или не успеете, то произойдут необратимые ве-

щи. Я умоляю, спасите себя от беды! Спасите мою бабушку.
Королева страны Истины. Василина первая.

Печать роспись дата.

Эстел выхватил у меня письмо из рук:

– Что-за хренотень? Не отдел, а кто знает, что! Ничего не понял из этой сказки. Какое отношение она имеет к будущему вашему начальнику – эта Нихренаська с тайными трёхголовыми алкоголиками.

Заскрипел зубами и помчался к Вию. Мы, так же кучкой, вышли в коридор, сели на лавочку напротив отдела ожидая, кто знает, чего. Каждый из нас, мысленно, пережёвывал полученную информацию, и ту ситуацию, в которой мы очутились.

Глава 2

Телефон не работал. Лес был непролазный, мои ноги подкашивались, меня не слушались, и куда-то несли. Было такое ощущение, что я, либо перебрал, либо мной кто-то управлял, как детским роботом, нажимая на кнопки и выдавливая из меня энергию, как из использованной батарейки. Контуры окружающей местности становились всё чётче, а скоро, вообще, рассвело, наконец, тому ребёнку, что играл мной, надоело жать на кнопки. Я упал на землю, видимо батарейка сдохла, и моя внутренняя энергия, обесточилась так же. Передо мной был живописный пейзаж, но голод, терзавший меня, после изнурительной пробежки, был ещё живописней. Я

представил бекон с яичницей, он возник перед моими глазами, я почувствовал даже запах, и только открыл рот, чтоб не подавиться обильной слюной, как он сам, небольшими порциями стал залетать в мою гортань. Я едва успевал работать зубами. Наконец я насытился, почувствовав себя Вакулой, из повести Гоголя. Захотелось пить, газировки. Я чуть не захлебнулся водой.

–Что за чертовщина?

Я буду за вами – сказал какой-то зомби, подошедший из леса. Он принёс с собой такой букет запахов, что я, чуть не поделился с ним, только что, съеденным завтраком. Только теперь до меня дошло, почему надо завтрак отдать врагу? Но, этот зомби, слава богу, моим врагом не был, хотя я рад был с ним поделиться. Сзади меня собралась уже приличная очередь из нечисти. Честное слово! Таких спиритян не бывает. Перед нами было какое-то озеро, мне казалось, что эта толпа собралась, чтобы слопать меня, может какой-то дефицит завезут, или на танец маленьких лебедей. Очередь из нечисти, для меня была полнейшим абсурдом. Я решил продвинуться к озеру, но получил дубинкой по спине, от охранника, прячущегося за скалой. Я не успел отреагировать, на бесцеремонное нападение, как начало твориться чёрт знает, что – озеро стало подниматься одним краем, и вскоре стало вертикально. На нём появился мой кабинет, я верчу в руках письмо, потом, не вскрывая, бросаю его на стол, потом выхожу из конторы... и наказан, за лень. Я почувствовал, что у

меня начала расти борода и волосы на голове, а вместо ногтей появились ужасающие кривые когти. Статус – гость. Вердикт-временно, срок ограничен тремя днями пребывания в стране Истины. Снятие наказания, по исполнению приказа королевы. Опять включился механизм передвижения, и через час ускоренного бега, по пересечённой местности, я был внутри какой-то безобразной деревни, у дома королевы, как мне сказали два бомжа, вылезшие из беседки. Я представлял королеву, такой же уродиной, как повстречавшиеся до сих пор, жители этого королевства. Но из дома, вышла шестнадцатилетняя красавица с девочкой, лет пяти. Я представился. Она странно посмотрела на меня:

– Что вам сказала зеркало Истины? – спросила она. Я рассказал ей о моих злоключениях.

– Так вы, даже моё письмо не читали?

Потом она показала на девочку, назвав её своей бабушкой. Придурочная королева, какая-то! И сказала, что, не приведи господь, что-то с бабушкой случиться...она сотрет Землю, как ошибку создателя. Потом показала на дорогу:

– Здесь был портал в наше королевство, он соединял мой мир с вашим. В вашем мире начинался возле большого дуба, около посёлка, находящегося в пяти остановках, от города. Назвала город, и что ехать надо электричкой. Я не знаю, что там натворили ваши жители, но самое страшное – наверно спилили дуб. Зеркало сказала, что пророченный жёлудь, от этого дуба, посаженный на его место, может открыть портал.

Спешите. В вашем распоряжении месяц. Спешите исправить разрушенное. Не допустите, чтобы бабушка превратилась в эмбрион, дальше может начаться невообразимое. Никто не знает, что в себе таит механизм обратного времени.

Спешите, и топнула ногой. . . я оказался перед входом своей конторы. Охранник не узнал меня, и не пустил даже на порог. Я с обратной стороны здания, увидел открытое окно, на третьем этаже, кажется это был кабинет Вия, и без труда, цепляясь мощными когтями, за откосы предыдущих этажей, влез в кабинет начальника. Там, как раз было совещание, с присутствием круглоголовых. При моём появлении, охрана схватилась за оружие, и если бы не Вий. . . Вий среагировал мгновенно, выгнал круглоголовых, от них толку всё равно, никакого не было. Допросил меня, и когда убедился, что это именно я, а не кто другой, дал мне зеркало, полюбуйся на себя, уважаемый. Я, от неожиданности, отшатнулся: на меня смотрела мерзкая волосатая морда какого-то животного.

– Ленивец, – подсказал Вий.

Я сразу вспомнил вердикт зеркала Истины. Я пересказал начальнику, что со мной случилось. Он меня не перебивал, дал высказаться. Я очень устал, завалился спать в углу, погрузившись в негу природной лени. Вий ещё долго сидел за столом, составляя план дальнейшей операции. Начальник, так и заснул за столом, обхватив голову руками. Я уже не помню, кто первым проснулся в том кабинете, зато помню, как от меня все начали разбегаться в мужском туалете.

те, при виде мерзкого неуклюжего животного, одетого в разлезшуюся человеческую форму, с кривыми когтями лап, которые пролезли через порванные носки туфель, и цокотали по полу, выписывая сложный орнамент царапин, похожих на граффити художника, талант которого умер раньше, чем появился мел и уголь, на этой планете. Я старался не смотреть в висевшие на стенах зеркала. В них я казался ещё омерзительнее, чем был. Особенно раздражали меня, эти плавные медлительные движения моего волосатого тела. Эстел, сволочь, сидел в кресле в моём кабинете, закинув нога за ногу, и прикалывался над моим образом. Говорил, что наконец увидел моё истинное лицо, угощал меня конфетой, и получал садистское наслаждение, когда мои передние лапы, с огромными когтями, не могли справиться с конфетной бумажной обёрткой. Зашел Вий, и цирк прекратился. Работаем! Начальник начал сразу с порога, не знаю, какое яблоко ему упало на голову во сне, но, что он встал сегодня с левой ноги, это точно. Первым делом досталось Эстелу, он нагнал его на хрен, чтоб не мешался под ногами, на меня посмотрел презрительно, как на инфузорию-туфельку, мол с кем приходится работать, я думал, что он и меня нагонит. Но нет, сдержался, и первое, вразумительное, что он выдал:

– Эти Иски, Сектора, Конторы надо, либо разогнать, к чёртовой бабушке, либо что-то менять в них кардинально. Менять всё – от управления, до механизма исполнения.

Он высказал то, что уже давно назрело и обсуждалось в

кулуарах, имеющих вид конторских курилок, в которых создавалась вся закулисная политика Исков. Нужна была революция внутри организации, иначе Иски превратились бы в бюрократический механизм, по выкачке денег из бюджетов стран, и приняли бы участие, в соревновании по перетягиванию одеяла на себя, сражаясь с такими мастистыми структурами, как армия и полиция, которые за душой ничего не имеют, кроме раздутого, до невероятности, штата управленцев. У Вия был готов план, но он впервые столкнулся с тем, что его некому было исполнять. Во всех Исках не было структуры, ведущей дипломатические войны с государственным управлением, олигархатом, религиозными течениями. Необходимо была тайная война против тех, кто тебя кормит, и не просто война, а нужны были генералиссимусы, способные одерживать победы. Эта проблема с письмом, явным текстом говорила о создании организации, типа МАГАТЭ, с которой необходимо было согласовать любое строительство на Земле. Вий ненавидел сказки, потому, что сам ещё недавно считался нереальным сказочным персонажем. И письмо, написанное шестнадцатилетней девчонкой, он не считал сказкой, потому, что соседнее государство, обладающее передовыми технологиями, и превратившее его ученика, вполне реальную обезьяну, объявив вотум недоверия, имеющий все шансы перерасти в войну. Он злился, на себя, на круглоголовых, которые вместо того, чтобы изучать то, что лежит под носом, лезут в какие-то дебри, гибнут сами и за собой утаскивают

десятки подготовленных людей. Но больше всего он злился на людей бизнеса, и коверкающих ту страну, где он работает. Один только проект строительства гидроэлектростанций, вылился в массовый геноцид целых государств и против множества династий спиритян, которых никогда уже не воскресить. Они остались только в легендах. Уничтожение Земли продолжается. Всё закатывается в бетон и асфальт, строятся дороги, дамбы, нефте-газо – проводы, терминалы, космодромы, испытываются новые виды оружия, организовываются войны. Вия занесло, с этим что-то надо было делать, надо было бороться, но он не знал, как. Сейчас, сегодня перед ним стояла задача, и он, как руководитель московской конторы, обязан её решить, теми силами, которые у него были в наличии, и теми способами, которые ему были доступны. Для скорейшего решения задачи, требовалась мобилизация всех московских сотрудников Исков. Вий посвятил меня в план действий. Руководство операцией он взял на себя. Первый его приказ обрушился на праздную шатающуюся молодёжь возле моего кабинета. Необходимо было найти то место, где начинался портал в страну Истины, тем более, что город известен. Нужно было проследовать электричкой, сойти на пятой остановке от города, и собрать всю информацию, о всех событиях в окрестностях посёлка за последние два месяца. На всё это молодёжь получила два дня. Каждый имел по копии письма королевы страны Исков. Всё. Работаем! Нас ещё не зачислили в штат, не провели собеседования,

с нами не был заключён контракт, при оформлении на работу были нарушены все юридические обязательства, но нас уже нагрузили, не спрашивая, есть ли у нас деньги, где мы устроились в Москве, что ели вчера на обед. Я не стал разговаривать с оборванной кошкой, сидевшей в кабинете начальника отдела, а пошел к Вию. Он поставил меня старшим в группе и дал пятнадцать минут, для составления списка проблем, по фамильно. Я побежал на первый этаж. Двух девочек звали Виктория и Марина, они жили у родственников, проблем с деньгами не имели. Место жительства указано в анкете. Один из ребят, Илья, жил у брата в Чехове, деньги были на нулю. У меня с Юркой, не было в Москве родственников, ни денег, ни вещей, не связей. Я перебивался в ночлежках и на вокзалах, а Юрка, более продуманным оказался, затеивал мелкие ссоры, и избегая крупных противоречий, ночевал в разных полицейских участках города. Наша полиция, нас стережёт, – шутил он. А меня, полиция никогда не задерживала, только прикалывалась с моего имени. Мать хотела, в честь деда, Иваном назвать...лучше бы Ваней назвала. Я, сколько себя помню, всегда стеснялся своего имени. Во мне течёт кровь северных народов, и имя у меня не свойственное тотемно-тостовое – Замир. Даже анекдот такой есть: – поймала милиция алкаша, протокол заполняют. Зовут тебя как? Он-Ик, ик, ...За мир. Милиционер записывает – Замир. А фамилия? Он –Ик, ик, ...Во всём мире. Анекдот тупой, но он с детства, в моём мозгу застрял, я мог поменять имя, но

не смог, переступить через невидимую грань, называемую памятью об отце. Он говорил, что у тебя красивое имя, сынок, а чтобы сделать его достойным, зависит только от тебя. Через пятнадцать минут, со списком, я был у Вяя. Ещё через десять минут, я с тремя направлениями в общежитие, получал аванс на всю группу, а через пол часа мы трусились в электричке, двигаясь по маршруту – за пять остановок от города.

Дворец находился на капитальном ремонте, кроме того, работала инвентаризационная комиссия, казна была опечатана. Глядя на дворец, было такое ощущение, что прошел ураган со смерчем, которые тащили за хвост землетрясение. Этот дворец, Василине, напоминал родной город, который в летний период, начинали перекапывать, ремонтировать, и так, до первых морозов. Если меняли канализацию, проседал угол дома, укрепляли дом, падала крыша, после ремонта крыши, взрывался газопровод, с забитой монтажной пеной вентиляцией. Жители дома, ждали, когда подвезут топливо, для межгалактического путешествия, ведь все знали, что по проекту, здесь планировали построить космодром.

Только то, что город входил в список Золотого кольца России, и был охраняем ЮНЕСКО, спасло его от очередного безумного проекта. Василине дворец не понравился, чужой он был какой-то, холодный. До него не доходили руки. Королева объезжала своё царство, на санях, арендованных у Емели, который за аренду, потребовал двойную пла-

ту. Королевская карета стояла в дворцовом гараже на кирпичах, подложенных под оси. Колёса, кто-то спёр, ещё при бывшем короле, а зеркало Истины, даже под присягой, не признаётся, кто это сделал. Бардак, – подумала королева, и поняла, что ностальгия ей не грозит. На помостах сидел кучер, управляющий санями, который работал одновременно гидом, и расписывал красоту и достопримечательности, проезжающих мимо мест. Он же являлся и комментатором деревенских сплетен. Отрываясь от самоучителя украинского языка, он отвечал на вопросы новоявленной королевы. Две предыдущие монархини, сбежали на большую Землю, не захотев замуж выходить за принцев соседних королевств. Вы, ваше величество, ещё не видели этих красавцев! Болтливый у меня возникчий, – подумала я, – да и фамилия у него, какая-то странная – Сусанин. Не знаю, но кого-то он мне напоминал, хотя знакомых Сусан у меня в роду не было. Когда появилась деревня, я вздохнула с облегчением. Она мне была ближе и милей королевского замка. Бабушка говорила, что жить можешь где пожелаешь, но гостей страны, по этикету, ты обязана принимать только в замке, кроме того, устраивать благотворительные балы, для местной знати, кроме того... и этих кроме, я насчитала триста шестьдесят пять штук, ровно столько, сколько дней в году. Что – то, разонравилось мне быть королевой. Кормилицы пытались бабушку накормить манной кашей, приговаривая:

– За папу, за маму, за Завсеху.

Она мотала головой, плевалась и говорила:

– Пусть они сами эту гадость жрут.

Бабулечка молодела с каждым днём, я Гоше-Горынычу памперсов заказала, всё равно, каждый день, за границу в посёлок мотается. Потом с Водярным ночной конкурс самодеятельности устраивают, веселя ретро- репертуаром всю округу. Королевство мне понравилось, только без короля, мне его не осилить. Выберу время, подам свою кандидатуру в отдел знакомств, а по всем королевствам развешу объявления:

– Ищу короля для страны Истины. Королева Василина. Может какой дурак и клюнет?

Дом прочитал мои мысли:

– Ничего не выйдет, хозяйка. На заколдованной земле живём, кто заколдовал, не знаю, а знал бы, не сказал. Весь смысл в том, что все наши королевы, что были до тебя, своим женихам такими уродинами казались, что они сбегали при одном виде, своих избранниц. Суждено нашим королевам, только за первого встречного замуж выходить. До тебя тут была красавица, так для неё, каждый второй мужчина, был первым встречным. Не выдержала, сбежала. Потому, что каждый второй мужчина в нашем селе – это Гоша с Вадей, остальные бабы.

Я спросила, а где же мужики подевались?

– Так их король на войну забрал, а их бабы неприятельские захватили и не отпускают. И короля вместе с казной, в плен забрали. Бабы собрались отбить своих мужиков, войско

большое собрали: кто с мётлами, кто с вилами, швейные машинки, под пулемёты переделали. На все королевства напали, а мужиков не нашли. Теперь твои подданные мечтают, чтобы на нас, кто войной пошёл. Раньше девки, через портал, на свиданье бегали, а как он захлопнулся, так совсем беда.

Дом, без злого умысла, наступил на мою мозоль, настроение вмиг пропало.

За пять остановок от города, было всё, как описано в письме – обшарпанный полустанок, только вместо вокзала, какой-то навес, и посёлок мы нашли, только ни леса, не рощи, ничего не было, а от дуба, если он здесь рос, даже корней не осталось. Вместо этого, была частная автострада, и вырос маленький городок дачного типа, который вписался в границы автострады. Мы разбились в своих поисках: я с Юркой, с опросом по домам, нужно было обойти весь посёлок. Игорь в музей, если таковой есть, в этом богом забытом месте, ему же достался церковный комплекс. На Марине с Викой все библиотеки, нас интересовала вся периодика за последние два года. Всё, разбежались. Работаем! Вечером встретились, обменялись информацией. Юра, проявил топографические способности, нарисовал карту, где был лес и рос дуб. Некоторые старожилы даже помнили домик старой почтальонши и тропинку, которая вела в лес, к дубу. Только за последние два года тут всё так поменялось. Больше всех, информации принесли девчонки, они умудрились отксерить статьи экологов и просто активистов этого посёлка, которые безуспеш-

но вели войну против бизнеса, возглавляемого депутатами народного совета Подмосковья. У Игоря тоже была информация, он рассказал про то, о чём не писали в газетах, про то, как спасала дуб, от уничтожения, православная община. Батюшка, своим прихожанам говорил, что дуб особенный, дважды защитил Москву от нашествия басурманов. Игорь на телефон записал показания свидетелей, особо отметив то, что батюшку и трёх прихожан, стоявших в пикете ночью, нашли убитыми, далеко от посёлка, в соседней области. Покойного батюшку словесно облили грязью, и дело замяли, не без помощи всё тех же депутатов. На следующий день, девочки, вместе с Игорем, опять прошлись по школам, музеям, кружкам, дали объявление в газету, с целью, найти жёлуди именно этого дуба. А мы с Юрой, занялись топографией, благо старые привязки остались, остался даже дом бабушки, который сиротливо смотрелся среди высоко заборного элитного жилья. И чертополох, в палисаднике, никто не тронул, он разросся и как истинный защитник, преграждал путь любопытным. Юра рисовал карту, как заправский стайер, бегая по местности. Я же решил пробраться в дом, тем более, что двери были открытые. На удивление, в доме было чисто, я увидел аккуратную спальню, с заправленной постелью. Вдруг меня потревожил звук, похожий на звон стекла. В кухне, за бутылкой водки, сидело два бомжа. Вернее, нет, бомж был один, а второй мутант. У мутанта было три головы. Они резко отреагировали на моё появление, налили це-

лый стакан. Я попытался было отказаться, мол на работе, но рот открылся сам, и рука с мёртво зажатым стаканом, потянулась и опрокинулась. Я не знаю, как появился во рту солёный огурец... помню, что бомжей звали, Гога и Водя... потом Вадя сел на Гошу, и они полетели... Юра меня пол дня искал, а когда я ему рассказал про классных пацанов, он покрутил пальцем у виска, а я ему доказывал, что у Гиви было три головы, и он пол литру выпивал, за один присест, тремя стаканами. А когда улетали, то Гриша держал в зубах, средней головой памперсы. Юра слушал мой пьяный бред, и в сердцах, не выдержав, сказал, что правильное имя, для меня придумали родители. В обсуждении результатов я уже не участвовал, как ехал в электричке не помню, но проснулся утром в палатке, от холода, без денег и документов, в каком-то парке, рядом стоял Гоша, только с одной головой, и протягивал мне стакан. Полчаса я отказывался от подношения друга, пока не врубился, что это памятник. Памятник алкоголику, какие-то юмористы поставили, а коллеги, видно в общагу не рискнули меня тащить, а выгребли всё из моих карманов, чтоб не обворовали, решили меня алкаша проучить. Так оно и было. Игорь никогда не изменял своим правилам, каждое утро делал пробежку; ему ничего не стоило, сделать маленький круг, чтобы проведать меня с двумя банками джин-тоника. В общагу мы побежали вместе, предварительно собрав палатку и впихнув её Игорю в рюкзак. В девять часов мы были в конторе. Вий сам спустился к нам, кошка сидела уже у се-

бя в кабинете, но выглядела так, как будто всю ночь ловила мышей, от неё непонятно чем воняло. Какое же было наше удивление, когда Вий представил нам это, явно, не адекватное существо, как нашего начальника. Отчитывалась о проделанной работе Вика, Юрка ей помогал с картами. Девчонкам все же удалось найти жёлуди, именно этого дуба, целых пол мешка, в подвале бывшего местного дома пионеров. Интересно, кто-нибудь помнит, что были когда-то пионеры? Дети часто путают их с тараканами. И те, и другие, пропали приблизительно в одно время. Мы надеялись, что круглоголовые выжмут всё возможное из этих семян, чтобы вернуть дуб на место. Жёлуди забрали у нас в первую очередь. После нашего доклада, Вий поблагодарил нас за качественно проделанную работу и отпустил домой, погрозив в мою сторону пальцем. Сказал, пока не ходить в контору, сейчас не до вас, нагрузил какой-то литературой, сказал изучайте, нужно будет, найдём. Местом для работы, выбрали почему-то нашу комнату. С девчонками только проблема возникла, не хотела их дежурная пропускать в общежитие. Никакие уговоры не помогали, говорила:

– Только, через мой труп!

Намекая на магазин напротив, и что-нибудь к шоколадке... Пока не разозлила Марину. Мы поняли, что Марину лучше не злить. Ничего криминального, просто вахтёрша, во вред своим меркантильным интересам, стала действовать строго по уставу – по правилам общежития. Марина и Ви-

ка предоставили паспорта, для регистрации посетителей, и подтверждения своего совершеннолетия, и до двадцати трёх часов. мы могли спокойно работать, без вмешательства администрации. Ага, размечтались! Три раза комендант общезжития к нам заглядывал, в надежде, что нальют, но увидев молодёжь, сидящую с ноутбуками, в окружении бумаг, вздыхал, и в сожалении, аккуратно прикрывал дверь. Неправильная молодёжь пошла, – думал комендант, вспоминая свою молодость. На следующий день на девчонок, и вообще на нас, не реагировал никто – не вахтёр, не комендант, отнеся нас в группу (не знаю, как помягче сказать, как про себя называл нас комендант) инфантильных, что ли. Вий, действительно был занят, и ему было некогда, потому, что документы, которые он выгреб из сейфа лемура, ковыряющегося в носу длинным кривым когтем, были с грифом – «Совершенно секретно.», и носили характер оперативных сведений. Мы поделили папки для индивидуального ознакомления, и по мере изучения полученного материала, менялись папками. В первый день нашей работы, мы только поняли о направлении, месте и характере наших исследований. И только к третьему дню нашей работы, можно было представить общую картину происшедшего, и опираясь на полученную нами информацию, можно было приступить к построению аналитической модели событий, отражённых в документах. Фактически, это был отчёт о проведённых экспедициях в которых принимали участие сотрудники конторы, за длительный пе-

риод времени, в разных уголках нашей планеты. Экспедиции были разные, с разными целями, с разными задачами, управляемые разными существами. Экспедиции были удачными, и не совсем... некоторые экспедиции заканчивали свою деятельность, не начавшись, просто пропадали, растворялись во времени. Более десяти последних экспедиций были неудачны для Исков. Организация потеряла людей, оборудование, не смогла предоставить документальное подтверждение гибели экспедиций. Компании, финансирующие этот коммерческий проект, мало того, что не выплатили компенсацию, а ещё подали в международный суд на Иски, с требованием, возратить потраченные на экспедиции деньги. Единственно, что спасало нашу фирму, это то, что спонсоры очень были заинтересованы в этом проекте, создали свои экспедиции, которые тоже пропали. Теперь их юристы не вылезают из судов. Большая часть документов была обнаружена и изъята из специальных контейнеров, но вопросов возникало больше, при изучении этих документов, чем ответов. Мы решили уравнивать эти противоречия. Группа начала работать над тем, что нам дали эти документы, мы начали работать над общими ответами, для всех экспедиций. И после совместных консультаций, споров, компромиссов, к концу недели мы пришли к единому мнению и выработали документ, который был первым в деле аналитического анализирования работы экспедиций. Нормальным языком, без протокола, мы пришли к истокам: кому и зачем это нужно? Сами же себе и

ответили – бизнесу. Нужны были новые плацдармы для развития бизнеса. Не верилось, что дикари и природа, смогли противостоять против такой силы, против которой даже религия бессильна. Перед глазами стояла история с дубом. Мы продолжали работать.

Не прав был прораб строителей, напечатавший книгу об Исках, не была я тогда ещё королевой, и двадцать лет жизни не пропали из дневника, да и сам дневник, не попал бы ему в руки, не будь на то воля королевы Исков. Я прилетела специально, чтобы откорректировать дневник, забрать то, что могло, в дальнейшем, стать компроматом, и положить дневник в старый тайник. Энергоноиды проследили, чтобы он попал в нужные руки. Попробуйте найти прораба строителя, с журналистским образованием, чтобы вам понятно было, чего это мне стоило. Королева сказала, что пришло время Искам выходить из подполья. Вышедшая книга, это был один из шагов к легализации Исков. Для многих, эта история, с появлением новой силы на арене большой политики, стала шоком. Королева всё чаще стала появляться в свете, давать интервью для СМИ, её весь мир признал публичным человеком и самой влиятельной женщиной на планете. Сразу же появился противовес Искам, он и раньше был, его присутствие чувствовалось всегда, мы знали всё о нём, особенно при расследовании обстоятельств последней войны, в которой мне пришлось участвовать. Искам, за весь период сво-

его существования, приходилось, одновременно, сотрудничать и противоборствовать с миром бизнеса – с создателями иллюзии жизни. У нас появился незримый союзник, который сливает интересы бизнеса, появлением чёрной энергии, в зонах его влияния. Юлька, из племени шуабо, которая является моей напарницей в охране её величества, говорит, что бизнес, похож на животное, которое метит свою территорию чёрной энергией. Наверное, она права, бизнес бывает разный, и энергия отличается по цвету. Муж вышел на пенсию и устав от постоянного спонсирования недовольных и жадных родственников, осуществил мечту детства, купил яхту, и отдал дань кругосветным путешествиям. В команду набрал себе, таких же, одержимых морем, время от времени звонил мне, то с языка огненного дракона, то с материка чёрных истуканов. Он находил места, не исследованные человеком и давал им такие названия, что не вписывались в географический атлас. Он в свои шестьдесят лет, так и остался, в душе, ребёнком, не верящим в сказки, про домовых, и мечтающем о встрече с русалкой, потому, что Вторка ему надоела. Он, в его возрасте ещё, довольно шустро, уклонялся от тряпки, летевшей в его сторону. Я поддерживала его детские капризы, догадываясь об опасности его путешествий. Пара мало-заметных спиритян, из службы спасения, сопровождали его яхту, на всём отрезке его пути. А наземные знали его в лицо. Я оберегала своё чудо, как могла. Он и умер с улыбкой, перебирая фотографии на диване, от рака мозга. Никто не

в силах был ему помочь. Я почувствовала, что осталась одна, даже имея детей и внуков. Только работа и друзья спасли меня от помешательства. Борман приехал ко мне со своим многочисленным семейством, притащив Вия, даже дети Русала, устроили целое представление, при моём появлении на набережной Тибра. Когда Борман с Виём уезжали, вдоль перрона спиритяне, по-русски, цветами выложили надпись: – Втора, мы тебя любим!

И командовал спиритянами, тот самый домовёнок, выловленный мной в туалете, одной из гостиниц Рима. Только, как давно это было! Королевы ездят на бал не танцевать, королевы ездят на бал работать. Благотворительный бал, спонсируемый итальянскими промышленниками, был назначен на двадцать первое мая в Вероне. Сопровождая королеву, мне часто приходилось быть в этом городе, в тайной резиденции её величества, которая располагалась на берегу реки Адидже, недалеко от Кафедрального собора Святой Марии. В этом городе каждый год, летом, проводится конкурс оперной музыки, в знаменитом амфитеатре Арена ди Верона, который расположен на площади Пьяцца Бра. Каждый камень мне был знаком, все дороги, спуски, я по-своему любила этот город. Казалось, что это единственное место в мире, где королеве ничто не угрожает. Сегодня был день города. Вся Верона утопала в бижутерии, цветах, на солнце сверкали отмытые и отчищенные памятники. Мы подъехали к собору, водитель остановил машину, по приказу королевы, Юлька,

согласно инструкции, открыла дверцу машины, и вышла наружу, осматриваясь окрест, зазвонил колокол, мой мозг ещё зафиксировал взрыв... Дальше я ничего не помню. Очнулась в госпитале, под капельницей, сильно болела голова, всё тело болело, но было немое, подташнивало и хотелось пить. Над мной кружились энергоиды, которые по одному ныряли в меня, отдавая энергию, старались вылечить меня, только им известным способом. Рядом с моей больничной койкой, сидел священник-католик, читал молитву на латыни. Отпевал наверно. Энергоиды первыми заметили, что я открыла глаза и начала самостоятельно дышать, потом сработала сигнализация и появились врачи. Отключили от аппарата вентиляции лёгких, начали задавать вопросы, но я их не слышала. Ментал пропал, как и множество моих способностей, что я развивала. Я, как тупая кукла, слепленная из бинтов и боли, лежала на кровати, не реагируя даже на Юлькин ментал, который тоже отдавался чудовищной болью в моей голове. Я не знала того, что уже больше месяца лежу в госпитале, куда меня привезли куском мяса, в организме было переломано всё, что можно было переломать, на удивление врачей, остались целыми глаза и неповреждённым зрительный нерв. Энергоиды продолжали неустанно работать. Врачи накололи меня обезболивающим, и я заснула. Когда проснулась, на месте священника сидел Конторский и плакал. Я вспомнила, что домовым не нужны пропуска. Я узнала его, говорят, что домовые не стареют. Конторский был седой, с про-

лысынами, он не пользовался менталом, но я его слышала, по каким-то болелкиным каналам. Он рассказывал про Элю, про то, что третью внучку замуж выдал, про то, что, из молодых домовых, никто не верит, что ты на моей свадьбе была, и Мирилку с добрым Шубиным танцевала. Привет мне от Лиха передал, приезжала из Киева в гости, там у них целая птицефабрика, Птиц не успевают яйца, с Лихом распространять, ещё пару лет и в Европу перебираться будут, заелись буржуи, для них уже Украины мало, размах говорят не тот. Европу им подавай: Хау ду ю ду, хеллоу, тьфу! Я попыталась улыбнуться, хоть мысленно. Домовой видимо услышал чьи-то шаги, растворился. Зашла королева с аппаратом Илизарова в голени ноги. Слава богу, жива. Постояла у изголовья кровати, заплакала. Я пожалела, что не могу говорить и не вижу себя со стороны. Энергоноиды переглянулись. Охрана позвала королеву. И только королева вышла, энергоноиды из блестящих мелких бляшек создали зеркало, в котором я с любой стороны, выглядела, как фотомодель пятьдесят, девяносто, на пятьдесят. Скоро я научусь улыбаться внутри себя, мне понравился их бесхитрый обман, я вспомнила, как они спасли меня в последней войне, не только меня – планету. Меня выписали спустя два года. Я стала инвалидом первой группы, старая, дряхлая, сварливая старушенция, с горем пополам освоившая управление мотоколяской, сделанной по заказу, под мой горб. Я абсолютно ничего не слышала, разговаривала с трудом. Врачи запретили все виды тру-

довой деятельности. Многие уже вычеркнули меня, вытерев грязные ноги о мои былые заслуги. Кроме инвалидной пенсии, королева назначила персональную Исковскую пенсию, мне выдали страховку и компенсацию за потерю трудоспособности. Это были не деньги, это были огромные деньги. Только мне они не были нужны. Я увидела себя в зеркале. Спасибо конечно энергоноидам, за мягкий юмор. Они так и не оставили меня, накачивая дряблкое, почти беспомощное тело, энергией. Спасибо им за то, что я на миг забывала о своём парализованном лице, и улыбалась, внутренне улыбалась. В моём доме больше никогда не было зеркал. Я улыбалась, а значит я жила. Я училась жить по-новому, в образе Квазимодо. У меня даже свисток был, ультразвуковой. которым я нанятую сиделку, из спиритян, вызывала. На королеву было совершено ещё два покушения, но слава богу, она выжила. А когда почувствовала, что смерть сидит у её изголовья, позвала меня, выгнала всех и попросила у меня прощения, я два часа проплакала у её постели. Закрыла глаза умершей монархине, и не отвечая, ни на чьи вопросы, уехала домой. Королева-это было последнее, что меня связывало со дворцом. Траур по королеве длился месяц. Через месяц собрались руководители всех ИСКов. Две недели было отведено для выбора королевы. Две недели споров и интриг, это тот короткий срок, за который собираются и рассыпаются коалиции, яд сменяет кинжал, а трон становится прокрустовым ложем. И если королева не будет выбрана за это время, то

вступает в силу закон русской рулетки, где претендентки на престол уступают своё место, в угоду кому-то. Но претенденток должно быть столько же, сколько пуль в барабане револьвера. Отказ любой претендентки в дальнейшем равносильно проигрышу в борьбе за престол. Ко мне пришла подруга, рождённая в племени шуабо. Не знаю, по каким каналам, но Юлька узнала, что её кандидатуру выдвинули на претендентки в королевы. Сообщила кулуарные дворцовые новости, что ни один сегмент, не хочет уступать другому, пахнет рулеткой. Юля пришла предупредить меня, что не даст самоотвод, а уступит мне место претендентки по праву. Мне никогда не нравились интриги, но энергоиды собрались в фигуру, стоящую на коленях, в позе просящего. Юлька засмеялась, я не думала, что она тоже может их видеть. Мне нечего было терять, я согласилась.

Глава 3

Вий позвал Эстела. Объяснил ситуацию. Сказал, что со мной невозможно работать, я понимаю, что он не виноват в своём образе, но не понимаю и тех, кто сделал его, этим мерзким животным, зная, что в данной ситуации каждая минута ценна. Ты только послушай, как он говорит, заставил меня сказать пару слов. Эстел, чуть под стол от смеха не свалился. В ментале решил меня добить:

– Я всегда подозревал, что ты тормоз, но что такой?!

Я просто медленно блямгал глазами, и уже минут десять, сгонял муху с уха. Я всё прекрасно и быстро понимал, а мо-

жет это мне казалось? Письмо ты помнишь? Я послал туда малолетних потомков, на пару дней, чтоб разведали, разнюхали по месту, что и как. Вот полюбуйся, он показал Эстелу итоговый документ, работы молодогвардейцев. Тот минут десять полистал:

– Что это? А это то, что пора нам идти на свалку, кончились наши атаки, с криками-Ура! За королеву! Другое поколение на пятки наступает, другой менталитет и мыслят они графиками, эпюрами, логарифмами. Один в момент выполнения задания так наинтегрировался! Мне отверженные фото показали. Знаешь с кем он бухал?

Эстел заинтриговано посмотрел на Вия.

– Со Змеем Горынычем и с Водярным, это тот, который в море водки рождённый.

Я ему позавидовал, такую фотографию не грех и на стену в зал повесить. Перед всеми бы гостями хвастался! А в этих документах то, что бизнес похерил все наши интересы, воевать мне не хотелось, но придётся. План такой, надо полная компрометация участка трассы, запугивание, чтобы в скорейшее время эти депутаты, что водителей доят, обратились к нам в контору за помощью, а мы потом внесём свои корректировки. И чем быстрее мы дуб посадим, лес восстановим, тропинки пробьём. Да, там ещё дорога грунтовая была, по которой от дуба будущая королева шествовала. Эстел понял сразу, а до мозга ленивца не доходило. Через пару часов Вий привез Нельку. Эта дама, в чёрных очках, была в два

раза толще меня. Начальник начал возмущаться её аппетитом, на что она спокойно отреагировала:

– Чего ты Витёк нервничаешь? Я с собой двух внучек привезла.

На скутере подъехали две девицы, моего возраста, худые, как сильвы, по-русски, ни бум-бум. Вий всю эту троицу очкариков завёл к себе в кабинет. О чём они говорили я не знаю. Через час они вышли. Эстел довез их до железнодорожного вокзала.

– Боже мой, как поменялась Москва! Даже ради этого стоило бы приехать. Я богатая женщина, и не согласилась бы на работу, для конторы, за предложенные деньги, если бы не Вий. Конечно жалко, что у них со Светкой не вышло. Но мужик он не плохой, если бы не он с Вторкой, то даже не знаю, кем бы я сейчас была. А тут ещё внучки увязались, им интересно, где бабушка раньше была. Обе в институте учатся, бывают влюбляются, а потом прибегают жалуются, что их пассии из реанимации не вылазят, худые как йоги почему-то становятся. А я их успокаиваю, может у этих парней глисты? И такое бывает. Только, чем старше становятся, всё больше и больше глистявых попадается. Эпидемия наверно. До третьего курса внучки верили, что детей аист приносит. Пока дочка не выдержала, и не рассказала всё, про наш род. Заставила тёмные очки носить, и научила правильному приёму пищи, с весами под кроватью. Теперь мы, как семейка незрячих, катаемся в общественном транспорте бесплатно,

шлифуя восприятие ментала контролёрами. Я стараюсь обращаться с внучками в ментале, они не знакомы с русским, да и испанский язык с мексиканским диалектом, у них далёк к совершенству. Им всё интересно в Москве, она чем-то похожа на старый Мехико. Я думала, видели бы вы это Мехико до землетрясения.

Мы ехали в один из подмосковных городов, потом совсем в другом направлении, надо было сойти на пятой остановке от города. Там нас должна была встретить девочка Эстела. Он решил укрепить нашу группу Третьей. Я уже не помнила нумерацию их декурий, но эта девочка должна была нам помочь в создании иллюзий. Внучки сориентировались в графике движения электричек, и вскоре мы были на месте. На перроне нас действительно ждало чудо, которое привыкло двигаться, по автомобильным дорогам, автостопом. Я так и не поняла, что нас встречало. Но что это было не девочкой, а каким-то херувимом, с лицом ангела, это точно. Мечта извращенца, – подумала я, забыв, что ангелы бесполо. Ну и хер им! Главное, что это существо, было лучшим иллюзионщиком, в декуриях Эстела. Третья довела нас до трассы. Обозначила на плане границы нашего влияния. Надо было заблокировать участок трассы, и организовать предпосылку, к сноске трех коттеджей, с земельными участками и со строениями, типа бассейн, баня, погреб, зоопарк, террариум.

—Этож надо, гостевой дом для тётки, так назвать! Террариум!

Задача была понятна. Работаем! Внуки сняли очки, приготовились к ужину. Вскоре в маленькую поселковую больницу, стали поступать, массово, больные, они были полностью обессилены энурезом. Им привиделось, что по трассе гуляет голодный дракон, питающийся водителями. Их машинами была забита вся трасса. Полиция целую ночь разруливала ситуацию, растягивала машины, никаких драконов они не видели. На трассе создалась громаднейшая пробка. Полиция, явно не справлялась со своими обязанностями. К решению проблемы подключилось МЧС. Но только подъезжали новые водители к участку трассы, как история повторялась. Больных уже было некуда принимать. Лекарство не помогало, люди таяли на глазах. Потом уже все наконец, увидели дракона, он спикировал на трассу, с каким-то пьяным оболтусом на спине. У третьей начало двоиться в глазах. Она временно убрала построенную иллюзию. Только дракон не убрался, рассвирепел, тогда побежали все: и полиция, и МЧС, и водители вместе с третьей, тяжелее всех досталось моим переевшим внукам, у всех был понос. Вадярный с трудом удерживался на разбушевавшемся Гоше. Чуть авоську с водкой не уронил. Гош, ты чего? Опять белочка накрыла? Водярному, еле удалось успокоить друга.

—Понимаешь, я всегда считал, что я последний из динозавров, уже смирился даже, а тут лечу, а по трассе такая девочка ходит, пальчики оближешь. Ну, я значит, к ней и подсел. Не успел познакомиться, как она исчезла. А тут эта ме-

лочь пузатая бегаёт. Такой облом получился. Старею наверно, от водки галюники ловить начал. А ты Вадя, ничего не видел?

Я помотал головой. Гоша вздохнул горько, и мы полетели дальше. Я его понимаю. Жалко мне его. На следующий день вся контора дрожала от ржанья начальника. Он смеялся не переставая. Вить, ты чего? – с опаской подкатил Эстел. Вий, не переставая смеяться, вытирал слёзы на своём лице:

– Вызвал помощников с Мексики! Ты знаешь, где сейчас нежить Нелька, со своими внучками и с твоим гермафродитом-иллюзионистом? Одежду отстирывают. Вместо, чтоб других пугать, сами перепугались, до усерачки. Ты можешь такое пугало представить, чтобы нежить испугать, и не одну, а всё семейство.

Я кажется догадываюсь, что за это пугало. Потом кивнул мне:

– Тебе всё равно делать нечего, вызови -ка мне этого на-найца или корейца, короче ты понял, я хочу видеть этого за-сранца – Затех который.

Я понял, что ему Замир нужен был. Теперь пол смены с телефоном воевать придётся.

Мы нашли ещё один объединяющий ответ о пропавших экспедициях. Этими пропажами руководил кто-то, хорошо изучивший методы Исков. Круг пропаж становился всё меньше и меньше, пока, как, шагренева кожа, не стал с лоскуток карточной Южной Америки. Если что и интересуется

Иски, то это находится в Южной Америке. Игорь даже координаты ограничил. Мы внесли свою аргументацию в документы. После этого перешли, к индивидуальному изучению, конкретно, каждого случая пропаданий экспедиций в выбранном нами районе. У меня зазвенел мобильник. Звонила, явно, кошка. Из её мычания, я понял, что меня вызывают в контору, к Вию. Я включил громкую связь, устроив тридцатиминутку сдавленного смеха. Не зря говорят, смеётся тот, кто смеётся последним. После обеда, я выхватывал от Вия, по полной программе, сидя на креслах, смеялись Эстел с обезьяной. А я, красный, как рак, отвечал на вопросы Вия. Передо мной была фотография, где я, по-гусарски, опрокидываю стакан водяры, в своё ненасытное горло, а рядом со мной сидят два бомжа-Вадя и Гоша. Потом, была фотография, где Гоша, с тремя стананами, два в руках, а третий в зубах средней головы. Для этого мутанта водки всегда хватало, а рук нет. Звездюлину я получил не за то, что пил на работе, а за то, что попался. Вия больше интересовали бомжи. А я, хоть убей, не помню о чём мы говорили. Пока Вий не спросил, за что они хоть водку покупали? Я вспомнил: Вадик в электричках пирожки, пицу, котлеты в тесте продавал, а на вырученные деньги, они водкой затоваривались. Вадик ещё Гогу – «такси» называл. Гога его, обычно, в бабушкином доме дожидался. Этого от меня Вию только нужно было. Скоро оперативная штурмовая бригада из преисподней, притащила двух перепуганных бомжей, перед светлы очи началь-

ника. Вий сразу неправильно себя повёл, не по-человечески отнёсся к бомжам, они замкнулись и перестали отвечать на вопросы, дьявол, он и в Африке, дьявол! Тогда он их пугать вздумал, потащил всех в ад. Я впервые в аду побывал. Дрянное место, скажу вам. Тогда Вадя, взглянул на Гошу, совсем не уважает нас нечисть! Давай покажем им Кузькину мать! Кузькину маму я не увидел. Но когда Гоша превратился в змея Горыныча, Начальник стал таким маленьким, а Водярный разлился морем, сделав сразу всех пьяными и весёлыми. Говорят, три дня мы из Ада не вылезали, пели песни с чертями и грешниками, запрягли Вия и катались по морю водки, на котлах. Грешники гады, пол рая переманили, чуть всё море не выпили. Пока Вий не взмолился, и не попросил у бомжей прощения. Мы опять очутились в кабинете. Тогда между Виём и бомжами, состоялся серьёзный разговор, только всех лишних начальник удалил, в том числе и Эстела, с ленивцем. Меня алкаша, в первую очередь. Испуганные ребята, отпаивали меня морсом, а когда немного полегчало, спросили: ты где был? Я ответил: – в аду. Игорь покрутил указательным пальцем возле виска: – Хронический Замир!

Юлька оказалась права, произошли замены, с отказом от претенденток в королевы, в пользу других кандидатур. Когда я выехала на своей инвалидной коляске, в центр выборочного подиума, раздался недовольный шум зрителей и свист. Руководители Секторов молчали, со многими из них мне

приходилось стоять плечом к плечу, отражая атаки противника. И не смотря на то, что во внутренней войне королевских интриг, мы стояли по разную сторону баррикад, в их глазах, чувствовалось уважение к моей особе. Они не замечали моей инвалидности, моего горба и парализованного тела, они видели меня прежней, видели воином. Я была благодарна им. Для остальных я была отработанным куском гниющего мяса, неудачницей, поскользнувшейся на ровном месте. Я знала, как меня воспримет народ, и поначалу, не хотела ввязываться в эту интригу, но вспомнила Михайловича, который один, безоружный, противостоял самолётам, принадлежащим неведомой агрессивной стране, ракетами разрушивших наш лагерь. Он погибая, улыбался, потому, что до конца исполнил свой долг. Он спас нас, оставив врага в злобном бессилии, которое враг вымещал на опустевшие казармы, скалы и тропинки, протоптанные нашими обувками. Может он жил и умер, ради того, чтобы насладиться бессильностью врага? Он учил нас бороться и побеждать, сражаясь до последнего, не бояться, даже у сильного противника, есть своя ахиллесова пята, только нужно её найти. Напротив, меня, стояли достойные противники. Четыре претендентки на трон королевы, четыре храбрых сердца, чьи тела были отточены многолетними тренировками, битвами, и изнуряющими переходами по землям, занятых врагом. Они мне чем-то напоминали Юльку, эти девочки, так – же, были смелы, могли командовать декурией, центурией, армией, но не мог-

ли командовать страной, несколькими странами. У них не было королевского опыта, им никогда не понять, что став королевой, твоя жизнь перестаёт принадлежать тебе, в ней не остаётся места для друзей, близких, любимых, не остаётся место, даже для твоего народа. Твоя душа, через сердце Земли, соединяется со всемогучим космосом, становится сменной шестерёнкой времени. Египетские фараоны-это называли приближением к богу, даже себя называя богами. Только быть богом-это проклятый труд, осуждённый на людскую неблагодарность. Я всматривалась в красивые лица соперниц, нет, никогда мы не встречались. Распорядитель ритуала вынес красиво оформленную, обшитую бархатом коробку, в которой, в удобной нише лежал обыкновенный воронённый пистолет, типа револьвер, выпущенный вначале двадцатого века. На нём не было, ни позолоты, не вензелей. Это был обыкновенный армейский пистолет. Мне казалось, что смерти было безразлично, как выглядело её лицо. Распорядитель в присутствии многих свидетелей заполнил барабан четырьмя патронами, прокрутил. Напомнил претенденткам, что они могут отказаться от выстрела, и их никто не осудит. Дальше был жребий. Не верьте, что дуэлянты не боятся смерти, смерти боятся все, просто возникают такие обстоятельства, когда нужно переступить через смерть. Я опять вспомнила воспитателя, он мог уползти, спрятаться, но он предпочёл посмотреть в глаза своей смерти. По жребию, я была второй, испытывающей свою судьбу. Я улыба-

нулась, правда этого никто не видел, кроме внезапно появившихся спиритян. Энергоноиды столпились над головой Юльки, бесплатной бижутерией, и для зрения посвящённых, выглядели, как сверкающие капельки росы, проявляя свойственное им беспокойство, когда они сталкиваются с тем, что считают глупым и диким. Я вспомнила, как они смотрели футбол по телевизору, разместясь на широких плечах моего мужа. Я не любила футбол, не понимала смысла этой игры, но мне нравилось наблюдать за Вовкой и энергоноидами, сколько в небе витало энергии, сколько эмоций, особенно, когда судьи назначали пенальти. Я задумалась и пропустила, когда первая девочка нажала на курок. Раздался выстрел, разбрызгав мозги первой претендентке, натренированное тело, потеряв опору, рухнуло на ковёр, забившись в конвульсиях. Мышцы сокращались, оголяя фигуру, окровавленная голова билась о пол. По залу прокатился стон, смешанный с криками ужаса. Распорядитель накрыл тело покрывалом, скрывая от зрителей грязное торжество смерти. Подбежали слуги с носилками, и вскоре, на месте этого жесточайшего ритуала, остались только пятна крови, напоминающие нам о недавнем происшествии. Пистолет перекочевал в мои руки. В барабане осталось три патрона. Я набралась силы воли, нет я не боялась выстрела, меня не поразила смерть соперницы, в сраженьях я видела вещи и пострашней, я боялась, что не смогу прокрутить барабан и полупарализованные пальцы, не смогут нажать на курок. Неуклюже прокрутив бара-

бан, я краем глаза увидела, заметавшихся в ужасе гуманоидов, сигналиющих мне всеми частями своего энергетического тела, чтобы я немедленно отказалась от этой опасной игры. Я поняла, что взведённый боёк, прочно встал напротив капсюля патрона, и ждёт старта для пули, ощущающей звериный ужас жертвы. Я с невероятным усилием нажала на курок. Пистолет сработал, но не выстрелил. Это была осечка. Видимо от сильного эмоционального стресса, я почувствовала, что заработало тело, стали сжиматься пальцы, я почувствовала ноги, заболел горб. Даже находясь на грани смерти, я обрадовалась этим обстоятельствам, эта радость отобразилась на моём лице. Энергоноиды первые заметили эти преобразования, и пока судьи от Исков, спорили, что необходимо делать, в случае осечки, на состязании, претендующих на место королевы, энергоноиды, не выдержали, и миллиардом маленьких, невидимых, микроскопических искринок, кинулись обнимать меня. Распорядитель передал пистолет следующей претендентке. Девочки храбро держались перед лицом Исков, ни один мускул не дрогнул, когда смерть унесла первую претендентку. Но, как только холодная рукоять пистолета, коснулась ладони очередной претендентки, смерть улыбнулась и заявила о своей победе, разделив свой триумф со страхом, который прочно закрепился в мозгах двух участниц этого кровавого соревнования. Не смотря на горячую поддержку своих Сегментов, две очередные участницы отказались от продолжения игр со смертью. Нас осталось двое.

Пистолет перекочевал в руки Колумбийке, я не знаю, откуда я знала, что она из Колумбии. Медленно прокрутился барабан, ко мне частично стали возвращаться мои натренированные способности, я непроизвольно растянула время, я слышала скрип каждой револьверной пружины, слышала щелчок взведённого курка, сопровождающийся каким-то растянутым шумом, издаваемым в ритм замедленных взрывов работающего сердца. Я увидела пистолет изнутри, где всё было готово, и смерть восторженно смотрела на указательный палец своей очередной избранницы. Я постаралась отсеять шум внутри головы, непроизвольно увеличив скорость восприятия. Не знаю, как, но я прочитала мысли соперницы, которая осознала весь драматизм, создавшейся для неё ситуации, руки её задрожали, но она не смирилась, не смогла побороть своё Эго:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.